

Кристофер Ишервуд

Кристофер
Ишервуд

Там, в гостях

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

И97

Серия «XX век / XXI век — The Best»

Christopher Isherwood
DOWN THERE ON A VISIT

Перевод с английского *Н. Абдуллина*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследника автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Ишервуд, Кристофер.

И97 Там, в гостях : [роман] / Кристофер Ишервуд ; [перевод с английского Н. Абдуллина]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (XX век / XXI век — The Best).

ISBN 978-5-17-148251-0

Четыре места — Бремен, греческие острова, Лондон, Калифорния.

Четыре эпохи — буйные двадцатые, странное начало тридцатых, с их философскими исканиями, нервный конец тридцатых, когда в воздухе уже пахнет страшной из войн в истории человечества, и лихорадочное предвоенное американское веселье начала сороковых.

Четыре истории о том, как «духовный турист» — рассказчик Кристофер Ишервуд — находится в поисках нового образа жизни и лучшего будущего, встречая на своем жизненном пути совершенно разных людей.

А все вместе — впервые опубликованный в 1962 году роман «Там, в гостях». Роман в чем-то забавный, но в то же время грустный и, несомненно, очень личный.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Christopher Isherwood, 1959, 1961

© renewed, Don Bachardy, 1987, 1989

 Школа перевода В. Баканова, 2021

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2022

ISBN 978-5-17-148251-0

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДОНУ БАКАРДИ

Тридцать лет назад, главным образом стараниями Джона Лемана, вышел в свет мой второй роман «Мемориал». Это событие положило начало сотрудничеству и дружбе, которые длятся и по сей день. Поэтому я особенно счастлив, что именно Джон Леман в октябре 1959 года первым напечатал в журнале «Лондон мэгэзин» отрывок из этой моей новой книги — эпизод под названием «Мистер Ланкастер».

Мистер Ланкастер

Наконец-то я готов написать о мистере Ланкастере. Давно собирался это сделать, да все как-то не хватало духу: боялся, что не сумею воздать ему должных почестей. Зато сейчас мне видно, в чем была ошибка: я зря воспринимал его как обособленный персонаж. В отрыве от других героев он — не он. А чтобы явить его целостной персоной, следует поведать, как знакомство с ним вылилось в новую главу моей жизни. Точнее, даже в несколько глав, в которых есть и другие герои. Лично из них мистер Ланкастер знал только одного человека — да и то, проведай он о Вальдемаре, в ужасе погнал бы паренька взащей с работы, — но если бы свел знакомство с Амброзом, Джеффри, Марией или Полом... ах, нет, вообразить такое мне не хватит фантазии! Поэтому связующим звеном для всех этих людей остаюсь я. И сколь бы им, возможно, ни претила мысль о компании друг друга, от соседства на страницах моей книги они никуда не денутся.

Весной 1928-го, когда мне было двадцать три года, в Лондон по делам приехал мистер Ланкастер и написал моей матушке с предложением познакомиться. До этого мы ни разу с ним не встречались, и я знал лишь то, что он руководит представительством одной британской пароходной компании в портовом городке на севере Германии и приходится приемным сыном деверю моей бабки по материнской линии. (Наверняка есть способ описать нашу связь короче.) Даже матушка, души не чаявшая в родственниках, вынуждена была признать, что нам мистер Ланкастер, строго го-

вора, не родня. Впрочем, предложила обращаться к нему «кузен Александр», так, мол, теплее и так он почувствует себя своим.

Я согласился. Мне-то плевать было, как к нему обращаться и как он это воспримет. Для меня все, за редким и почетным исключением, кому перевалило за сорок лет, принадлежали к совершенно иному племени: по определению враждебному, но не столько страшному, сколько глупому. Большинство его представителей нелепые, вставшие в маразм любители читать нотации, на которых и внимания-то обращать не стоит. Лишь ровесники казались мне живее этих трупов, а сам я частенько повторял, что предпочел бы скорую и безболезненную смерть, едва начну стариться. Эта перспектива маячила где-то вдали, на горизонте, мне смотреть в ту сторону пока не хотелось.

Мистер Ланкастер не обманул моих ожиданий, оказавшись нелепым до мозга костей. Вот только как бы я ни старался, игнорировать его никак не получалось. Едва успев прибыть, он привел меня в бешенство и унизил. (Сейчас я вижу, что сделал он это не преднамеренно, а, скорее всего, из отчаянного смущения.) Он вел себя со мной снисходительно, подшучивал как над школьником. А самым худшим из оскорблений было обращение «Кристофилос». Из уст мистера Ланкастера оно звучало трепетно, в классическом произношении, отчего еще больше походило на насмешливое обзывательство.

— Бьюсь об заклад, мой распрекрасный Кристофилос, что ты ни разу не бывал на борту трампового парохода, не так ли? Тогда позволь, ради спасения твоей бессмертной души, посоветовать в кои-то веки отпустить мамкин фартук и прокатиться на корабле нашей компании. Покажи, что трудности тебе нипочем. Что ты сумеешь съесть салца во время шторма и под смех бывалых моряков сбегать протошниться за борт. Возможно, это сделает из тебя мужчину.

— Буду только рад, — ответил я со всей доступной мне непринужденностью.

Я так сказал потому, что в тот момент ненавидел мистера Ланкастера и просто не мог оставить вызов без ответа. Я так сказал потому, что в ту пору отправился бы в плавание куда

угодно и с кем угодно, меня обуревала жажда неизведанных краев. А еще потому, что заподозрил мистера Ланкастера в блефе.

И ошибся. Тримя неделями позднее из лондонского представительства его компании доставили письмо, в котором сообщалось, что все улажено и мне в такой-то день надлежит быть на борту грузового судна «Кориолан». У ворот дока на Ост-Индия-Док-роуд, в полдень, меня будет ждать сотрудник компании.

На какой-то миг я пришел в замешательство, но потом в дело вступила моя фантазия: и вот я уже был главным героем эпической драмы, вольного переложения Конрада, Киплинга или «Что случилось с Уэрингом?» Браунинга. А когда мне позвонила подруга и пригласила на коктейльную вечеринку в следующую среду, я напряженно ответил, добавляя в голос мрачные нотки:

— Боюсь, не выйдет. Меня здесь не будет.

— Правда? И где же ты будешь?

— Точно не скажу. Где-то посреди Северного моря. На борту трампового парохода.

Подруга ахнула.

Мистер Ланкастер и его пароходная компания не вписывались в мою эпическую драму. Унизительно было признавать, что отправляюсь я не дальше северного побережья Германии, но в разговорах с теми, кто знал меня не очень близко, я нечестно предполагал, будто этот порт захода — лишь первая остановка в долгом и загадочном плавании.

Ну а пока я не вернулся к рассказу от первого лица и снова не заговорил от имени юноши, который сейчас едет в порт на такси, позвольте представить его отдельной, если не сказать отделенной от меня персоной, ибо я и правда отрезал его от себя. Пересмотрел его мнения, изменил акцент и привычные жесты, какие-то привычки и предрассудки убрал, а какие-то выпятил. У нас по-прежнему один костяк, но внешне я так переменялся, что вряд ли этот юноша узнал бы меня в толпе. У нас на двоих один ярлык с именем и непрерывность сознания; я ни дня не переставал говорить, что я — это я, но за прошедшие дни и годы то, чем я являюсь, измени-

лось до такой степени, что прежним остается лишь сознание собственного существования. А это — свойство любого человека и никому конкретному не принадлежит.

Тот Кристофер, что сидел в такси, по сути, мертв, и все, что от него сохранилось, отражено в гаснущих воспоминаниях тех из нас, кто его знал. Мне его не воскресить. Могу лишь воссоздать его по памяти о его делах и речах и на основе записей, которые он нам оставил. Частенько он меня смущает, и я борюсь с искушением поиздеваться над ним. Подтрунивать я не стану, как не стану, впрочем, и извиняться за него. Надо же проявить уважение. В определенном смысле он мне отец и в некотором — сын.

Какой же он одиночка! Он не один, нет, он окружен друзьями, среди которых пышет жизнью и балагурит. Они даже равняются на него, смотрят ему в рот в ожидании узнать, как им теперь думать, что им любить, что ненавидеть. Для них он деятелен и порывист, и все же в их кругу он отделен ото всех стеной неверия себе, страха и ужаса перед будущим. Ведь прежде его жизнь текла, зажата в узком русле, и многое он воспринимает наивно; будущего боится и в то же время с диким нетерпением ждет. И дабы придать себе смелости, прямо на ходу превращает его в эпический миф. Он вечный актер на сцене.

Еще больше, чем будущего, боится он прошлого. Его авторитета, его традиций и того вызова и упрека, которые они в себе несут. Возможно, сильнее всего принуждает Кристофера действовать ненависть к предкам. Он поклялся разочаровать их, опорочить свои корни и отречься от них. Хотя смешно то, как он опасается не оправдать их надежд. Впрочем, это лишь полуправда. Ярость Кристофера подлинна, и бунтует он искренне, зная, что только непокорность поможет возмужать и набраться мудрости.

В путешествие он, словно талисман, прихватил одну тайну. И пока он хранит ее, она придает сил: вчера напечатали его первый роман, о чем никто из будущих знакомых не знает! Не знают о том капитан и команда «Кориолана», не знают, наверное, и во всей Германии. Что же до мистера Ланкастера, то он успел зарекомендовать себя в высшей степени недостойным того, чтобы с ним делились такими се-

кретами. Пусть и дальше остается в неведении. Если только однажды роман не обретет такого успеха, что удостоится заметки в газете... Из суеверного страха Кристофер гонит эту мысль прочь. Нет, нет, книга плоха, ее ждет провал. Все до единого критики куплены, враг заплатил им... Да и к чему вообще зря обнадеживаться, когда мир эпического странствия дарит незыблемые уют и безопасность?

Той весной напыщенные и непроходимо глупые литераторы-современники прошляпили одно событие, которое — как мы сегодня, в его десятую годовщину, не можем не признать — ознаменовало собой рождение современного романа, каким мы его знаем. В свет вышел «Все — конспираторы». А на следующий день выяснилось, что Ишервуда в Лондоне-то и нет. Он испарился без следа, никому ничего не сказав. Друзья в недоумении разводили руками. Боялись даже, что он покончил с собой. Однако позже, спустя месяцы, по салонам поползли странные слухи о том, как тем же утром, когда вышла книга, смутная фигура взошла на борт парохода в доках Собачьего Острова¹.

Нет, я не стану насмехаться над ним. Не стану просить за него прощения. Я горд быть его отцом и сыном. Я думаю о нем с восхищением, но должен предостеречь: не вздумайте его романтизировать. Не стоит и мне забывать, что храбрость на поверку зачастую оказывается лишь грубым неведением. Я то и дело забываю, что в собственное будущее Кристофер смотрит не дальше, чем глупейшее животное. Не дальше, чем я заглядываю в свое. Будущее у него необыкновенное: намного счастливее, удачливее и интереснее, чем у многих. И все же, будь я на его месте, то, заглянув вперед, беспомощно воскликнул бы, что мне с таким не справиться.

А так он не в силах предвидеть, что будет с ним в следующие пять минут. Грядущее ему в диковинку и потому непредсказуемо. Но вот такси у цели, и я закрываю око в будущее, дабы снова смотреть на все глазами юного Кристофера.

¹ Айл-оф-Догс, район в лондонском Ист-Энде, где расположен крупный деловой центр. — *Здесь и далее прим. пер.*

* * *

Как и было условлено, у ворот дока меня ждал сотрудник компании по имени Хикс — клерк, практически мой ровесник. Прыщавый и бледный от вечных туманов и дымной мглы на Фенчерч-стрит, он был не тот герой, какого я хотел бы встретить в своем эпическом странствии. К тому же он суетливо торопился, чего герои эпосов себе не позволяют.

— Вот так раз, — присвистнул Хикс, посмотрев на часы, — нам бы поторопиться!

Подхватив мой чемодан, он устремился прочь. Ишь, разбежался, да с моими вещичками... Я вынужден был поспешить следом, и так первое действие моей драмы лишилось всякого изящества.

— А вот и он, — вскоре сказал Хикс. — Вон там.

«Кориолан» оказался еще меньше и грязнее, чем я ожидал. Те его части, что еще не сделались черными, имели желтовато-бурый цвет. Такой же, как у рвоты (иного сравнения на ум просто не пришло). Два крана все еще грузили на борт ящики, вокруг которых суетилась команда. Матросы орали что было мочи, лишь бы их расслышали из-за грохота лебедок и крика круживших над портом чаек.

— Чего ради мы так торопились? — попенял я Хиксу, на что клерк равнодушно ответил, мол, капитан Добсон любит, когда пассажиры прибывают заранее. К тому времени он уже утратил ко мне интерес: оставил у трапа, точно посылку, которую принес по назначению и за которую более не отвечал.

Я протолкался на палубу, где чуть не рухнул в открытый люк. Капитан Добсон заметил меня с мостика и спустился поприветствовать. Это был полноватый коротышка с обветренной красной физиономией и опухшими, выпученными, как у клоуна, глазами.

— Готовьтесь, будет тошнить, — сообщил он. — Ходили с нами мужчинки покрепче вашего, но и те не выдерживали.

Я постарался изобразить испуг, которого от меня ждали.

Внизу я встретил кока китайца, юнгу валлийца и стюарда, похожего на жокея. Последний признался, что двенадцать лет отходил на туристических судах компании «Кунард Лайн», но тут ему нравится больше.

— Здесь ты сам по себе.

Затем он проводил меня в каюту. В ней было тесно, как в шкафу, и очень душно. Иллюминатор ни в какую не открывался. Тогда я отправился в кают-компанию, однако длинный стол там оккупировало с полдюжины клерков, маниакально строчивших опись груза. Я вернулся на палубу и там, подыскав себе местечко в носовой части, постарался никому не попадаться на глаза.

Час спустя мы отчалили. Выход из дока в реку затянулся, потому что выходили мы через шлюзовые ворота, на которых повисла озорная трущобная детвора. Ко мне у перил присоединился один из клерков.

— Будет трясти, — предупредил он. — Эта старушка — та еще плясунья.

Не сказав больше ни слова, он с проворством атлета перемахнул через перила и спрыгнул на отдаляющуюся пристань, махнул мне рукой и был таков.

За полдником в кают-компании я познакомился с помощником капитана и двумя механиками. Мы съели моченую макрель и запили ее безбожно крепким чаем из кружек, а после я вернулся на палубу. Начался тихий облачный вечер. Город остался позади. Доки и склады уступили место серым холодным полям и топям. Мы прошли мимо нескольких плавучих маяков, один из которых назывался «Могильная падь».

Проходивший мимо меня капитан Добсон сказал:

— Это первый этап нашего дерзкого странствия.

Он по-своему пытался создать атмосферу эпичности, и я мысленно поставил ему зачет за старания. А потом пошел в каюту, ибо в наступившей темноте уже ничего не было видно. Ко мне заглянул стюард — по поводу моего питания в пути: платишь фунт и ешь сколько влезет. Думал, наверное, что мне от этого предложения не отвертеться, ведь меня ждет морская болезнь.

— Пару месяцев назад с нами ходил один джентльмен, — с садистским удовольствием сказал стюард. — Ох и трудно же ему пришлось. Если ночью вам что-то понадобится, стучите в стену, хорошо, сэр?

С этими словами он ушел, а я улыбнулся, ведь у меня имелся второй секрет, который я намеревался хранить не хуже первого. Моряки оказались до трогательного просты: им, похоже, были совершенно неведомы чудеса современной медицины. Я же, само собой, принял меры предосторожности. В кармане у меня лежала картонная коробочка, а в ней — завернутые в фольгу пилюли с розовым и серым порошком. Надо было принимать их по одной: один раз перед отплытием и дальше дважды в день.

Утром, когда я проснулся, корабль нещадно кидало вверх-вниз: круто задрал нос, он ненадолго зависал в высшей точке, а затем падал, отчего все в каюте содрогалось. Только я успел проглотить таблетки, как дверь открылась, и ко мне заглянул стюард. По его разочарованному виду я сразу понял, какую картину он ожидал застать.

— А я-то думал, вам нехорошо, сэр, — с укоризной произнес он. — Полчаса назад к вам заглядывал, и вы лежали плашмя, ни слова не сказали.

— Я просто спал как убитый, — ответил я, лучезарно улыбнувшись этому стервятнику.

За завтраком второй механик держал руку на перевязи. Оказалось, что ночью в машинном отделении лопнула труба и его ошпарило. Валлийский юнга по имени Тедди нарезал для него бекон. Делал он это не слишком расторопно, и второй механик грубо его поторапливал, за что получил упрек от первого:

— В старости, помяни мое слово, ты станешь тем еще козлом!

И хотя второй механик получил полугероическое увечье, ощущение эпичности нашего странствия начинало пропадать. Я надеялся, что команда этого судна — люди сплошь иной расы, живущие исключительно морем. На деле же никто из них не оправдал моих представлений о морях. Старпом был слишком смазлив и походил на актера. Механики с равным успехом могли бы пахать на заводе: механики себе и механики. Стюард был не лучше любой другой профессиональной услуги. А капитан Добсон вполне органично смотрелся бы за стойкой бара в пабе. Пришлось

взглянуть в глаза прозаичной правде: люди в море ходят всякие.

Вообще, мыслями команда пребывала на суше. Они обсуждали фильмы, которые видели, мусолили скандальный развод:

— Таких, как она, называют respectable шлюхами.

Они развлекали меня загадками:

— Чего нет у девочки в четырнадцать, чего девочка в шестнадцать ждет, и чего никогда не получит принцесса Мария? — Ответ: — Страховая карточка.

Я принялся рассказывать анекдот про священника, пьяницу и беспризорников, но, дойдя до развязки: «Вот если бы ты брюки застегивал, как свой воротник...», замаялся. Мне было неловко воспроизводить акцент кокни, поскольку с ним говорили оба механика. Впрочем, шутка прошла на ура — команда была ко мне дружелюбна. Хотя ответ на мучивший юношу вопрос: «Что они обо мне думают?» — оставался неизменным: «Ничего». Моряки и бровью не повели, когда я взял себе добавки бекона, тогда как корабль ходил вверх-вниз, точно полотно ножовки.

Весь день «Кориолан» скользил враскачку по беспокойному морю, а когда я выбрался на палубу, то чуть не ослеп от блеска водной глади. Теперь, когда люки задраили и мы шли своим курсом, судно как будто удвоилось в размерах. Я расхаживал по палубе: ни дать ни взять призовой индюк, а капитан Добсон в старой фетровой шляпе попыхивал вересковой трубкой, то и дело снисходительно указывая с мостика на проходящие мимо суда. Всякий раз профессиональный интерес толкал меня к перилам, и я пристально вглядывался в корабли. Позднее капитан смутил меня, когда принес мне шезлонг и собственноручно раскрыл его.

— Теперь можно радоваться, как мальчишка, кокнувший своего папашу, — сказал он и добавил: — Хотелось бы знать вашего мнения вот о чем, — и протянул мне книгу в мягкой обложке с иллюстрацией эротического содержания. Называлась книга «Невеста зверя» и изобиловала сценами вроде: «...горячими ладонями он стиснул ее полные груди, и она закричала от боли и желания одновременно». Будь я в Лондоне

среди друзей, мы бы всласть посмеялись над этим романом. Обычно такую макулатуру спешат задвинуть подальше, однако в тот момент я признался себе, что, несмотря на абсурдное содержание, книга меня здорово распалила. Я проглотил ее за час, и капитан Добсон принял это за комплимент. Тедди же все время подносил мне чай и слоеные булочки с джемом.

Я проснулся посреди ночи, будто меня разбудили. Встав на колени на койке, посмотрел в иллюминатор и увидел далекие огни Германии — синие, зеленые и красные, сиявшие над черной водой.

Утром мы вошли в русло реки и двинулись вверх по течению. Капитан Добсон выпил в штурманской с немецким лоцманом и здорово повеселел. Свою старую фетровую шляпу он сменил на шегольскую белую фуражку, в которой еще больше стал похож на комичного морского волка из варьете. Мы проходили мимо барж, устроенных с уютом, как дома: веселые шторы на иллюминаторах и цветочные клумбы. Капитан Добсон в это время указывал на разные достопримечательности на берегу; заметив одну фабрику, он пояснил мне:

— Там у них сотни девушек чистят шерсть. Жара внутри такая, что они по пояс оголяются. — Он подмигнул мне, а я из вежливости изобразил сальный взгляд.

В гавани, скромно продвигаясь к своему причалу посреди больших судов, «Кориолан» как будто снова измельчал. Капитан Добсон громко приветствовал другие команды, и те отвечали ему. Казалось, его везде рады видеть.

Наконец мы причалили, но палуба оказалась настолько ниже линии пирса, что трап спускался к нам почти отвесно. Офицер полиции, пришедший проверить мои документы, даже помедлил, не решаясь по нему сходить. Капитан Добсон насмешливо покрикивал:

— Проваливай, Фриц! Проваливай!

Фрицами он называл и лоцмана, и капитанов встречных судов. Полицейский со смехом, но при этом крепко держась за перила, спустился к нам задом наперед.

Штампом в паспорте формальности и закончились. Я пожал руку стюарду (бедный неудачник взгрустнул), дал на чай Тедди и махнул на прощание капитану Добсону.

— Поцелуй от меня девочек! — крикнул он с мостика.

Полицейский любезно проводил меня до ворот дока и посадил на трамвай, который ехал напрямик к конторе мистера Ланкастера.

Здание выглядело впечатляюще. Оно было даже крупнее, чем я ожидал, а внутрь вели вращающиеся стеклянные двери. Тут работало с полдюжины девушек и вдвое больше мужчин. Юноша лет шестнадцати проводил меня в кабинет к мистеру Ланкастеру.

Я, разумеется, помнил, что он человек высокий, но при этом забыл насколько. Он был очень высоким и очень тощим. Во время рукопожатия, когда он сунул мне свою костлявую ручищу, я инстинктивно, повинувшись подсознательному импульсу, спутнику любой встречи, мысленно стал на долю миллиметра ниже и коренастее.

— Ну вот, кузен Александр, я и прибыл!

— Кристофер, — лениво ответил мистер Ланкастер низким голосом. Не воскликнул, а просто констатировал очевидное. Мол, приехал — и ладно, чему удивляться-то?

У него была по-женски маленькая голова, очень крупные уши, широкие мокрые усы и капризно изогнутые губы. Выглядел он уныло, холодно и подавленно. Конец его длинного красного носа влажно поблескивал. Мистер Ланкастер носил высокий накрахмаленный воротник и нелепые черные туфли. Нет, мне он определенно не нравился. Первое впечатление о нем полностью подтвердилось; к месту вспомнилось изречение одного из моих друзей, Хью Уэстона: «Все уродливые люди злы».

— Я освобожусь, — взглянув на часы, мистер Ланкастер произвел в уме быстрые, но сложные расчеты, — ровно через восемнадцать минут. — И вернулся за свой стол.

Я угрюмо сел на жесткий стул в углу. С ног до головы меня переполняло негодование. Я был жестоко разочарован. Но почему? Чего я ждал? Радушного приема, расспросов о том, как прошло плавание, и похвалы за то, что не блевал всю дорогу? В общем-то... да. Этого я и ждал. Дурачок,

мог бы сразу понять, как меня встретят. Я на неделю оказался в плену у этого холодного старого болвана.

Мистер Ланкастер сделал какие-то записи. Потом, не поднимая глаз, взял со стола газету и швырнул ее мне. Это был выпуск лондонской «Таймс» трехдневной давности.

— Благодарю... сэ, — как можно ядовитей произнес я, тем самым объявив ему войну. Однако мистер Ланкастер никак не отреагировал.

Затем он принялся звонить по телефону. Говорил на английском, французском, немецком и испанском. Меня языки, он, правда, не менял интонаций. Время от времени мистер Ланкастер переходил на крик, и до меня дошло, что он слушает самого себя, наслаждаясь звучанием собственного голоса. В нем было нечто от священника, немного от правительственного министра и ни капли от предпринимателя. Кому-то мистер Ланкастер отдавал указания, кого-то сдержанно хвалил. Его руки ни секунды не знали покоя, а малейшая проблема возбуждала и приводила в ярость.

Прошло полчаса, а он так и не освободился.

Внезапно мистер Ланкастер встал и произнес:

— Ну все!

И вышел прочь, как бы скомандовав следовать за ним.

Прочие сотрудники зрелого возраста уже покинули контору. Видимо, ушли на обед. Задержался только юноша. Мистер Ланкастер сказал ему что-то на немецком, но я разобрал лишь имя: Вальдемар. Когда парень уходил, я широко улыбнулся ему, словно пытаюсь вовлечь в заговор против мистера Ланкастера, однако Вальдемар остался безучастен, ответив по-немецки сдержанным поклоном. Вот тебе новости! Подросток, а уже кланяется! Определенно, молодежь в этой конторе ходила по струнке. Или — о ужас! — Вальдемар зачислил меня в одну с мистером Ланкастером лигу и относился ко мне с тем же насмешливо-презрительным уважением? Нет, вряд ли. Вальдемар просто во всем копировал повадки мистера Ланкастера, приняв их за образец джентльменского поведения.

Домой к мистеру Ланкастеру мы возвращались на трамвае. Стоял теплый, по-весеннему влажный день. Чемодан я нес в руках, а пальто накинул на плечи и потому потел;

но это не мешало мне наслаждаться погодой. Она волновала и будоражила мою душу. Я обрадовался переполненному трамваю: нас с мистером Ланкастером разделила толпа, и не пришлось с ним разговаривать, — меня прижимало к телам немцев, моих ровесников, юношей и девушек; набитый вагон раскачивало из стороны в сторону, мы терлись друг о друга, как будто стирая национальный барьер между нами. За окнами трамвая было еще больше молодых людей на велосипедах. На школьниках были картузы с лаковыми козырьками и яркие рубашки со шнуровкой вместо пуговиц, распахнутые у горла. Наш пестрый трамвай ускорялся, лязгая и звеня колокольчиком. Он мчался по длинным улицам вдоль белых домов, тисненая штукатурка на фасадах которых оттенялась широкими листьями ползучих растений, утопающих в сирени садов. По пути мы увидели фонтан со скульптурной группой: Лаокоон¹ с сыновьями корчились от боли в объятиях змей. На таком солнце я им почти завидовал: гады разинули пасти, изливая на разгоряченные мужские тела прохладную воду. Смертельная схватка казалась скорее непринужденной и чувственной.

Мистер Ланкастер жил в квартире на первом этаже большого дома, обращенного фасадом на север. В просторные комнаты с высокими потолками вели крупные двери-купе: дотронься до них — разъедутся с такой скоростью, что от стука содрогнутся стены. Обставлены помещения были в стиле немецкого ар-нуво: стулья, столы, шкафы и книжные полки производили гнетущее впечатление своими угловатыми очертаниями, воплощающими ненависть к комфорту и нестигаемый пуританизм. Не уступали им в мрачности и фриз вдоль стен гостиной, изображающий голые ветви, и люстра в середине комнаты — спартанский, болотисто-зеленый бутон стеклянного лотоса. Зимой здесь наверняка невыразимо тоскливо, зато сейчас достаточно прохладно.

¹ Троянский жрец Аполлона из древнегреческой мифологии; прорицатель, предупреждавший соотечественников не принимать дар греков (коня), за что был убит богами: они наслали на Лаокоона и его семью змей.

Единственное, что мистер Ланкастер привнес в декор от себя, — это его школьные и армейские фотографии.

Сильнее прочих привлекала внимание фотография крепкого старика лет семидесяти пяти. Ах, какая борода! Уникальная, попробуйте найти такую же! Чистое серебро. Борода главы истинной викторианской семьи. Она потоками струилась вниз от изящно выгнутых ноздрей и крупных мочек, вскипала пеной на щеках и волнами сталкивалась у подбородка, рождая кипящую стремнину, в какой не выжил бы ни один корабль. Старый красавец, гордо вскинув голову, выпятил ее, мол, полюбуйтесь!

— Мой дорогой старик-отец, — произнес мистер Ланкастер, и по его задумчивому тону я понял, что Борода уже отдал Богу душу. — Ему еще не было и шестнадцати, когда он обогнул мыс Горн и побывал севернее Алеутских островов, у самой кромки ледяного панциря. В твоём, Кристофер, возрасте, — в голосе мистера Ланкастера послышался легкий упрек, — он ходил вторым помощником на сингапурском судне по Китайским морям. Когда корабль мотали тайфуны, отец в своей каюте переводил Ксенофонта. Это он научил меня всему, что я знаю.

Обед подали холодным: черный хлеб, твердый голландский сыр и нарезку из колбас разнообразных видов: ядовито-розовую, с душиком, с целыми кусками хряща и напоминающую старый церковный витраж.

Не успели мы приступить к трапезе, как мистер Ланкастер предупредил, что не приемлет послеобеденных сиест:

— Когда я руководил представительством компании в Вальпараисо, заместитель постоянно твердил мне: «Последуй примеру остальных и вздремни». На что я ему отвечал: «Пока испанец дряхнет, белый человек его обкрадывает».

Все ясно: типичный реакционер. Он явно хотел меня перевоспитать и свято верил в то, что я полон романтических и либеральных представлений, которые нуждаются в противовесе. Тут мистер Ланкастер был прав и ошибался одновременно. В моей голове и правда уютно сидели недоразвитые и неоперившиеся либеральные взгляды, однако, пытаясь запугать меня жесткой дисциплиной, мистер Ланкастер прощитался. Вызвать мой страх могло потворство, а так я вос-

принял его предупреждение как нечто само собой разумеющееся, скучное и крайне типичное для него.

Мне показалось, что мистер Ланкастер видел себя выше правых и левых и целиком полагался на непогрешимость личного опыта и мудрости, будучи утомленным собственным всезнанием. А еще он ставил себя выше литературы. Сказал, что вечерами плотничает в небольшой мастерской в дальней части квартиры — «лишь бы не читать».

— Книги как таковые мне ни к чему, — заявил мистер Ланкастер, — получая от них все, что мне нужно, я их выбираю. Всякий раз, когда сообщают о новой философии или идее, которая вот-вот изменит мир, я обращаюсь к классике: смотрю, кто из великих греков выразил эту мысль лучше... Писанина наших дней — всего лишь форма нервного расстройства, которая распространяется по миру. Не сомневаюсь, бедный мой Кристофилос, что в скором времени и ты падешь столь же низко и скропаешь собственный роман!

— На днях у меня уже вышел роман.

Позор и ужас! Не думал, что скажу такое. Даже в мыслях не было у меня признания, но оно само слетело с губ. Ну, мистер Ланкастер... Он оказался искуснее любого прокурора.

Унизительней всего было то, что он как будто даже не удивился и не заинтересовался.

— Пришли как-нибудь экземплярчик, — запросто сказал он. — Потом верну тебе с обратной почтой, подчеркнув красным карандашом все расколотые инфинитивы, а синим — всю прочую бессмыслицу. — Он похлопал меня по плечу, а я поморщился от отвращения. — О, и кстати, — сказал мистер Ланкастер, — вечером нам будет легкая закуска...¹ — Эту фразу он произнес особенным, чудачески-игривым тоном, как если бы хотел привлечь мое бесценное внимание к тому факту, что процитировал Божественного Лебеда². — Пригла-

¹ У. Шекспир. «Ромео и Джульетта», акт 1, сцена 5 (*пер. А. Радловой*).

² «Лебедь Эйвона» — одно из прозваний Уильяма Шекспира, данное ему по цитате из поэмы Бена Джонсона памяти самого Шекспира.

шены все шишки из местных пароходных компаний, консульств и так далее. Я договорился и насчет тебя.

— Нет, — ответил я, совершенно не собираясь никуда идти. Хватит. Нельзя тратить на этого недалекого, беспардонного и самодовольного дурака все свое время. Я могу спокойно уйти сейчас же, сегодня. У меня есть немного денег; могу пойти в бюро путешествий и поинтересоваться, во сколько мне обойдется билет третьим классом на ближайший рейс до Англии обычным пассажирским транспортом. Если не будет хватать — поселюсь в гостинице и телеграфирую матушке, чтобы выслала недостающую сумму. Все просто, мистер Ланкастер не мировой диктатор, и он не может остановить меня. И он прекрасно это знает. Я не ребенок. И все же...

И все же... По какой-то абсурдной, иррациональной, унижительной и приводящей в ярость причине я его боялся! Навероятно, но это было так. От страха я задрожал, и мой голос сделался еле слышным. А мистер Ланкастер как будто не обратил на это внимания.

— Это будет для тебя ценным опытом, — пообещал он, прожевывая черствый сыр.

— Не смогу. — На этот раз я перестарался, и мой голос дал петуха.

— Чего не сможешь?

— Прийти не смогу.

— Отчего же? — Он говорил снисходительным тоном, как взрослый, выслушивающий отговорки школьника.

— У меня и смокинга-то нет... — И снова я напугал себя собственным признанием; ведь собирался же сказать, что уезжаю.

— Я не ждал, что ты озаботишься парадным гардеробом, — невозмутимо отвечал мистер Ланкастер, — и попросил заместителя одолжить тебе что-нибудь. У него примерно твой размер, а этим вечером ему надо быть дома. Его супруга ожидает ребенка. Пятого. Плодятся, как паразиты. Это сущая угроза для будущего, Кристофер. Страшна не война, не эпидемии... Голод... Люди расплодятся себе на погибель. А ведь я предупреждал, еще в двадцать первом году. Написал развернутое письмо в «Таймс» и спрогнозировал взлет роста

рождаемости. В редакции испугались того, что я могу быть прав, и они опубликовали только первый абзац... — После этих слов он резко встал. — Ты можешь прогуляться немного по городу, но чтобы в шесть был тут как штык. Хотя нет, лучше даже в пять пятьдесят пять. А сейчас мне пора работать. — И он оставил меня одного.

Банкет устроили в апартаментах над большим рестораном в центре города.

Едва мы прибыли, как мистер Ланкастер сделался до жути занятым. Он энергично озирался по сторонам, то и дело покидая меня, чтобы поговорить с вновь прибывшими гостями. Он надел зеленовато-черный смокинг, пошитый по довоенному фасону, а за накрахмаленную манжету спрятал белый шелковый платочек. Я в одолженном смокинге, который оказался заметно велик, ощущал себя фокусником-любителем... только без единого кролика в рукавах и карманах.

Надо же, мистер Ланкастер нервничал. Его так и подмывало поделиться со мной причиной тревог, но при этом он не выдал ничего путного. Только знай себе бормотал что-то несвязное да стрелял по сторонам глазами.

— Видишь ли, ежегодная встреча... обычно простая формальность... но в этом году... кое-что повлияло... абсолютная твердость... пусть видят, что на кону. Ведь альтернатива... всюду теперь одно и то же... надо бороться. Бескомпромиссно. Заявить о позиции... раз и навсегда. Посмотрим. Хотя вряд ли осмелятся...

Очевидно, мероприятие должно было вот-вот начаться, потому что гости уже потянулись к двери в дальнем конце комнаты. Мистер Ланкастер, ничего не сказав и даже не велев ждать его, устремился за ними, а я остался сидеть как бедный родственник, на самом краешке небольшого дивана лицом к большому зеркалу в противоположном конце комнаты.

Невероятно редко — одному Богу известно, как и почему, — твой образ в отражении запечатлевается как на фотопленке. Спустя годы достаточно вспомнить нужное зеркало, и вновь увидишь себя таким, каким ты был в то время. Порой и чувства те же испытываешь. Например, в девять лет

я забил очень удачный гол на школьном футбольном матче. Вернувшись с поля в раздевалку, я посмотрел на себя в зеркало, и мне почудилось, что невероятный успех изменил меня внешне. Само собой, он не менял меня, но до сих пор помню, как тогда выглядел и что чувствовал. И я до сих пор знаю, как выглядел и что переживал, глядя на себя в зеркало в апартаментах над рестораном.

Я, двадцатитрехлетний, с укором смотрел на себя большими глазами из-под прилизанной светлой челки. Лицо худое, напряженное и такое трогательно-красивое, что хоть сейчас на плакат с призывом от молодежи всего мира: «Спасите нас от стариков! Они ненавидят нас за красоту».

На душе у меня то же, что и у юноши в зеркале. Чувство, посещающее всех забытых и брошенных молодых людей. Бог оставляет их по несколько раз на дню, и они вопиют в отчаянии со своих крестов. При этом я не то чтобы злюсь на мистера Ланкастера, хоть он и бросил меня. Его лично мне винить не в чем, в этот момент он — безликое воплощение мирового предательства молодежи.

Я трепещу в смертном страхе перед управляющим рестораном и официантами, снующими туда-сюда, готовящимися к банкету. Вдруг подойдут и спросят: что я здесь забыл? А если я полноправный гость, то почему не с остальными участниками?

Напрягаю всю волю, чтобы стать для них невидимкой. Уставившись в отражение, я мысленно изгоняю этих людей из сознания, начисто стирая всякий возможный след телепатической связи между ними и мной. Напряжение колоссальное. Меня трясет, мутит, по вискам текут ручьи пота.

Встреча длилась почти полтора часа.

Гости выходили по двое и по трое, и только мистер Ланкастер возвращался один. Он направился напрямиком ко мне.

— Пора подкрепиться, — сказал он с нотками тревожного нетерпения, как бы заранее пресекая отказ. — Я попросил посадить тебя рядом со стариком Мошаду. Он вице-консул и расскажет про Перу. Полагаю, ты говоришь по-французски?

— Все нет. — Я слукавил, но мне так хотелось позлить мистера Ланкастера, вызвать в нем чувство вины — пусть знает, как оставлять меня.

Однако он как будто не слушал.

— Славно. Это будет ценный опыт для тебя.

И снова ушел. Я же присоединился к толпе, которая тем временем направлялась в обеденный зал.

Накрыли четыре длинных стола, главный из которых, почетный, поставили вдоль дальней стены под флагами различных стран. Мистера Ланкастера я заметил, когда он уже сел там. Места для наименее важных персон я распознал так же быстро — они были у двери. И, разумеется, на одной из посадочных карточек было написано мое имя. Справа я увидел карточку с именем Эмилио Мошаду, а секунду спустя рядом со мной присел и сам сеньор Мошаду. Это был миниатюрный мужчина семидесяти с лишним лет. Его доброжелательное красно-коричневое лицо покрывала сеточка морщин — они выделялись чуть более светлым оттенком — и украшали вислые седые усы. Он наблюдал за лицами шумных соседей по столу, и его губы подергивались в довольно жалкой и глупой улыбке. У меня сложилось впечатление, что он не только и горит желанием общаться.

Ужин, как ни странно, был великолепен. (Я даже стал забывать, что мистер Ланкастер никак не причастен к угощению — настолько плотно у меня в этом городе все с ним ассоциировалось.) После супа гости принялись попарно провозносить тосты в честь друг друга: сперва кто-нибудь один привставал с бокалом в руке и, отыскивая взглядом адресата, ждал, пока тот обратит на него ответное внимание и тоже поднимется с бокалом в руке. Далее следовал обмен поклонами. Сразу было видно, что дело нешуточное: ни один тост не будет забыт, а если его пропустить, то в будущем дела твои ждут неприятные последствия.

Наблюдая, как выпивают остальные, я сообразил, что мне самому пить нечего. Оказалось, напитки с ужином не подают, их надо заказывать отдельно. Переодеваясь, я впопыхах забыл деньги, и счет пришлось бы направлять мистеру Ланкастеру. Ну и ладно, чего беспокоиться? Поделом ему за то, что забыл обо мне. Сеньор Мошаду, как нарочно, тоже

остался без выпивки, и я вознамерился разделить с ним бутылочку вина. Набрав полную грудь воздуха, я произнес:

— *Si vous voulez, Monsieur, j'aimerais bien boire quelque chose...*¹

Он меня не услышал. От стыда мое лицо уже наливалось жаром, но тут кто-то рядом спросил:

— А ведь вы племянник мистера Ланкастера, верно?

Вот незадача. Я испуганно и виновато сообразил, что в попытках заговорить с сеньором Мошаду почти не обратил внимания на соседа по другую руку. Это был мужчина с алчным лицом и без подбородка; он смотрел на меня, поблескивая глазами. Редкие седые волосы были безупречно напомажены и убраны назад. На груди, подвешенный на широкой шелковой ленте, болтался без дела моноколь. Оттянутые книзу уголки губ придавали мужчине некоторое сходство с акулой (но уж точно не с людоедом). Я прищурился на его именную табличку и увидел некое венгерское имя, прочесть которое смог бы разве что венгр.

— Не племянник, — ответил я. — И если уж на то пошло, то мы вовсе не родственники.

— Выходит, нет? — обрадовался Акула. — Вы просто друзья?

— Думаю, да.

— Др-р-руг? — смачно покатал он «Р» во рту. — У мистера Ланкастера юный др-р-руг!

Я улыбнулся. Возникло чувство, что мы с Акулой старые знакомые.

— Однако он бросает вас одного, а? Не очень-то по-дружески.

— Что ж, зато теперь за мной приглядываете вы.

В ответ Акула разразился визгливым смехом. (Так ведь он еще и попугай, немного подумав, понял я.)

— Вы под моим присмотром, значит? — сказал Акула-Попка. — Ладно, пригляжу за вами! Уж вы на этот счет не переживайте. Пригляжу обязательно. — Он подозвал офи-

¹ Если не возражаете, мсье, мне хотелось бы чего-нибудь выпить (фр.).

цианта. — Вы ведь поможете мне выпить большую бутылку вина, правда? Не одному же мне ее уговаривать.

— Да уж, зачем так!

— Скажите, давно ли вы с мистером Ланкастером дружите?

— С сегодняшнего утра.

— Только с утра! — Потрясение Акула-Попка разыгрывал, но озадачился он искренне. — И он уже бросает вас без внимания?

— О, мне не привыкать!

Теперь Акула-Попка смотрел на меня куда более пытливым взглядом. Должно быть, увидел в моей ситуации нечто не совсем обычное, если не сказать таинственное. Вот если бы он понял, что за чудак сидит перед ним, то, наверное, с воплями выбежал бы из зала, но тут подоспело вино, и вскоре его любопытство куда-то улетучилось.

Далее ужин протекал вполне безболезненно. Мне было несложно развлекать Акулу-Попку, особенно когда опустела первая бутылка вина и он заказал вторую. Под конец освещение в зале погасили, и официанты внесли подсвеченные изнутри цветными лампами торты-мороженое. Настало время произносить речи. Со своего места, с видом знаменитости, поднялся лысый толстяк. Акула-Попка шепнул мне: это, дескать, мэр. Мэр принялся рассказывать истории. Когда-то мне поясняли принцип повествования в немецком языке: вываливаешь, если это возможно, на слушателя суть, а в завершении, в конце последней фразы, запихиваешь ее в заключительный глагол. Громоздкий, неуклюжий и зубодробительный. Делаешь театральную паузу и швыряешь его, точно кости на сукно.

После каждой истории гости рыдали от смеха, утирая потные лица платочками. Однако, когда слово дали мистеру Ланкастеру, они уже изрядно утомились, и нужно было постараться, чтобы удивить их. Речь мистера Ланкастера встретили аплодисментами, которые с натяжкой можно было бы назвать учтивыми.

— Мистер Ланкастер сегодня не в духе, — не скрывая коварства и ликования, заметил мне Акула-Попка.

— В чем же причина?

— У нас есть клуб для иностранцев, ведущих дела в этом городе. Мистера Ланкастера три года подряд избирали его президентом. Причем единодушно, соперников у него не было, ведь он представляет столь могущественную парходную компанию...

— Но в этом году выбрали кого-то иного?

— Отнюдь. Мы выбрали его. Впрочем, не без долгих споров. Мы отдали свои голоса из опасений.

— Ха-ха, вот умора!

— Это правда! Мы все боимся мистера Ланкастера. Он у нас как школьный директор. Нет, прошу, не говорите ему этого! Я просто пошутил.

— А я вот его не боюсь! — похвастал я.

— О, так вы — иное дело. Вы тоже англичанин. Мне думается, что когда вы войдете в возраст мистера Ланкастера, люди и вас станут бояться. — Однако тут Акула-Попка говорил не серьезно. Сам не верил в это ни на йоту. Он хлопал меня по руке. — Мне так нравится подтрунивать над вами, слегка.

Мы выпили за это и за здоровье друг друга, прикончив третью бутылку.

Остаток вечера я помню смутно. После речей гости покинули столы; кто-то отправился по домам, но бóльшая часть задержалась и расселась во внешней комнате, заказав еще напитки. Откуда-то появились столики. Те, кому места не хватило, бродили по залу в ожидании, вдруг где-то да освободится. Огни слепили мне глаза, а громкий шум беседы как бы сам собой приглушился до басовитого, сонного гудения. Я устроился за столиком в алькове. Акула-Попка по-прежнему за мной присматривал, только теперь к нему присоединились друзья. И, по-моему, не все они были родом из Венгрии. Один так вообще откровенно походил на француза, другой был швед шведом, — однако компания сложилась крепкая. Казалось, они принадлежат к некоему тайному обществу и разговаривают зашифрованными фразами, с улыбками обмениваясь паролями и отзывами. Интуиция подсказывала, что все они противники переизбрания мистера Ланкастера. Большой силы за ними не чувствовалось; еще бы мистер Ланкастер их не победил! Впрочем, опасность

эти люди представляли, и решимости им было не занимать. Такие враги улыбаются тебе, потом бьют в спину, кусают за пятки, быстро отступают и обязательно возвращаются.

Мошаду давно ушел, а я нет-нет да поглядывал на мистера Ланкастера. Ого, да он тоже налился. Я-то ожидал, что он и капли в рот не возьмет — из убеждений или осторожности, — ну, или хотя бы что его голова окажется крепче моей. Мы к тому времени перешли на бренди, и я чуть не лежал на столе.

— В сон клонит? — спросил Акула-Попка. — Ну так я вас взбодрю, ага!

Он подозвал официанта и в деталях, на немецком, заказал что-то, все время перемигиваясь с друзьями. Они посмеялись. Я тоже. Честное слово, мне было плевать, что они со мной сделают.

Наконец официант принес мне напиток. Понюхав содержимое бокала, я спросил:

— Что это?

— Так, небольшая доза особого лекарства.

Акула-Попка и его приятели-заговорщики придвинулись ко мне вплотную, образуя круг, внутри которого мной овладела какая-то гипнотическая сила. Компания наблюдала за каждым моим движением так пристально, что мне стало приятно и лестно. Оказаться в фокусе чьего-то сосредоточенного внимания — это что-то новенькое. Я снова принялся к напитку: какой-то коктейль; я сумел выделить только мускусный душок с нотками гвоздики.

В этот момент я инстинктивно обернулся и увидел мистера Ланкастера. Глазомер принялся со мной шутить: мистер Ланкастер стоял как будто в двадцати пяти ярдах от меня и ростом был под двенадцать футов. Хотя на самом деле наверняка находился прямо у меня за спиной.

— Не пей этого дерьма, Кристофер, — строго произнес он. — Это заговор. (А может, он сказал «... наговор»?)

В наступившей тишине я, должно быть, улыбался как идиот, а Акула-Попка с ухмылкой произнес:

— Слушайте герра Ланкастера. Вам этого пить нельзя.

— Конечно, нет, — ответил я. — Как я могу послушаться дражайшего кузена?

И с этими словами опрокинул в себя содержимое бокала. Как будто сигнальную ракету проглотил. От потрясения я даже на мгновение протрезвел.

— Как любопытно, — услышал я себя. — Машинально получилось... Видите ли, я... ну, раз уж он сказал не пить... то мне, скорей всего, не следовало...

Я умолк, так и не договорив, потому что мне стало все равно. Поднял взгляд и увидел, что мистера Ланкастера уже нет. Прошло, наверное, несколько минут.

— Вы ему не нравитесь, — зачем-то сказал я Акуле-Попке. Тот широко улыбнулся.

— Да просто он боится, что я вас уведу, нет?

— Ну так чего же вы ждете? — набросился я на него. — Разве не хотите меня увести?

— Еще уведем, — ответил Акула-Попка, при этом с опаской поглядывая на вновь появившегося на горизонте мистера Ланкастера. — Тут неподалеку, у гавани, есть кабачок. В нем очень весело.

— В каком смысле — весело?

— Сами увидите.

Чары разрушились. Мне вдруг сделалось катастрофически скучно. О да, я по-своему, садистски заигрывал с Акулой-Попкой, как бы говоря ему: ну, сломи мою волю, удиви, завладей мной, захвати меня. Несчастное робкое создание! Он и мышь бы не захватил! В собственные желания не верил. Ему фатально недоставало бесстыдства. Должно быть, он мнил себя соблазнителем, однако его методы вышли из моды еще в прошлом веке. Они напоминали бесконечную и дурно написанную книгу, которую я ни за что не взял бы в руки.

— Весело? Весело?!

С этими словами я встал и с достоинством, которое еще не пропил, направился туда, где сидел мистер Ланкастер.

— Отвезите меня домой, — приказным тоном сказал я ему. Должно быть, тон и правда был приказной, потому что мистер Ланкастер тотчас подчинился!

Наутро он вышел к завтраку с очень больным видом. Бедный его нос покраснел еще сильнее, а лицо стало серым. Он безжизненно уселся за стол и позволил мне принести еду

с кухни. Я же напевал себе под нос мотивчик. Настроение было веселым. При этом я знал, что мистер Ланкастер наблюдает за мной.

— Надеюсь, Кристофер, ты обливаешься холодной водой?

— Этим утром обливался.

— Молодец! Привычка настоящего мужчины!

Я чуть не рассмеялся в голос. Холодной водой я обливался, исключительно когда был пьян; в любом ином случае я считал бы это постыдным и реакционерским занятием. В одном я был согласен с мистером Ланкастером: обливание и правда выделяло мужчину — как врага. Тем не менее я вынужден был признать, что некоторая часть меня — мой внутренний ненавистный подхалим — с радостью приняла незаслуженную похвалу от мистера Ланкастера.

Так или иначе, наши отношения налаживались. По крайней мере, для меня. Я чувствовал, что получил преимущество над мистером Ланкастером и могу быть с ним великодушен. Прошлым вечером я бросил ему вызов, выпил запретный напиток, и мне это сошло с рук. Я мельком увидел закулисы его деловой жизни и понял, что он не так уж и неуязвим и подвержен мелочным амбициям. И наконец, самое приятное, этим утром его терзало похмелье, а меня — нет. Во всяком случае, не такое сильное.

— Боюсь, вчера я был немного занят, — сказал мистер Ланкастер. — Следовало отвести тебя в сторонку и незаметно объяснить положение дел. Ситуация сложилась очень деликатная, и нужно было действовать быстро... — Тут мне стало ясно, что мистеру Ланкастеру не больно-то хотелось рассказывать мне о клубе и о том, как он боролся за переизбрание; вышло бы не так внушительно. Вот он и прибег к приему напыщенного обобщения: — В иных частях мира действуют злые силы. Я бывал в России и знаю. Сталиниста вижу с первого взгляда. Эти с каждым днем все больше смеются. Повылазили из канав и занимают места у власти. Я предрекаю, а ты слушай и запоминай — через десять лет ты в этот город не то что мать или жену не привезешь, но и любую приличную женщину. Тут будет так же плохо — не хуже, потому что хуже быть не может, — как в Берлине!

— А что, в Берлине все так плохо? — стараясь не выдать заинтересованности, спросил я.

— Во всем сборнике «Тысяча и одна ночь», Кристофер, и во всех бесстыжих тантрических ритуалах на барельефах «Черной Пагоды», картинках из японских борделей, в наигнуснейших фантазиях извращенного восточного ума ты не найдешь ничего столь же тошнотворного, как то, что происходит сейчас в Берлине среди бела дня. Этот город обречен куда вернее, чем тот же Содом. Его жители даже не понимают, как низко пали. Зло там не видит самого себя. Там правит страшнейший из дьяволов — безликий. Кристофер, ты жил как у Христа за пазухой, благодари за это Небеса. Тебе такого и не снилось.

— Да уж, не снилось, — затравленно проговорил я, приняв — в тот же момент, прямо на месте — важнейшее в своей жизни решение: как можно скорее, всеми средствами отправиться в Берлин и долго-долго не уезжать оттуда.

Днем мистер Ланкастер распорядился, чтобы Вальдемар показал мне город. Мы посмотрели картины в ратуше, посетили кафедральный собор. Капитан Добсон заинтриговал меня своими рассказами о музее Блайкеллер¹ под ним, о выставленных там мумиях людей и животных. Капитан поведал, как они с братом смотрели на эти трупы: «Была там одна баба, ну, знаешь, в черной юбке. Вот я и решил подглядеть, как там у нее да что. За выставкой следил смотритель, но он как раз отвернулся, и я, такой, говорю братцу: следи, мол, за этим старым Фрицем, — а сам задрал тряпки и вижу... Знаешь что? Да ничего! По всему видать, крысы постарались».

Плоть так усохла, что кроме костей от мумий почти ничего не осталось. Она походила на черную резину. При нас в музее тоже дежурил смотритель, да только к нам он спиной поворачиваться не спешил; посему у меня не было возможности проверить правдивость рассказов капитана Добсона. Эта мысль вызвала у меня улыбку; захотелось поделиться

¹ «Свинцовый подвал», музей под нефом собора Святого Петра в г. Бремен.

с Вальдемаром. Одна американка, спустившаяся в подвал вместе с нами, поинтересовалась у меня, как эти трупы сохранились. Я ответил, мол, не знаю, и тогда она предложила спросить у Вальдемара. Пришлось признаться, что я этого сделать не могу. Тогда она крикнула попутчику: «Ну разве не мило! Этот юноша совсем не понимает немецкого, а его друг ни слова не знает по-английски!»

Скажите, пожалуйста, что тут милого? Компания Вальдемара меня смущала. Наверняка он был хорошим парнем. Симпатичный, я бы даже сказал, красивый; высокие готические скулы придавали ему сходство со статуей ангела в соборе. Неудивительно, что скульптор двенадцатого века взял за модель человека с такой внешностью — возможно даже, прямого предка Вальдемара. Однако в обществе ангела радости мало, особенно если он не разговаривает на твоём языке. Вальдемар таскался за мной хвостом, не проявляя инициативы. Наверняка находил меня столь же скучным, как и городские достопримечательности, утешаясь только тем, что в конторе ещё скучнее.

Я провёл четыре дня в обществе мистера Ланкастера, а показалось, что целую жизнь. Хотя узнать его лучше я бы не смог и за четыре месяца, а то и за четыре года.

Да, мне было тоскливо, но особенно по этому поводу я не переживал. В конце концов, какой юноша — если в нём присутствует дух — не хандрит львиную долю своего времени? Жизнь проходит не так расчудесно, как ему хочется, вот он и пылает праведным гневом.

Однако я решил примириться с мистером Ланкастером, устыдившись собственного ребяческого поведения в тот первый день. Романист я или нет, в конце концов? В колледже мы с моим другом Алленом Челмерсом любили по очереди повторять девиз: «Всю боль!» Это был сокращённый вариант строчки из сонета Мэтью Арнолда о Шекспире: «Всю боль, что дух бессмертный ощутил»¹. Таким образом мы напоминали друг другу, что для писателя все есть рабочий материал, нечего брезговать хлебом насущным. Вот я и сказал

¹ М. Арнолд. «Шекспир» (пер. Р. Рогова).

себе, что мистер Ланкастер — часть «всей боли»; его надо принять и подвергнуть научному анализу.

Едва я остался один в его квартире, как сразу же тщательно обыскал ее на предмет улики. Получилось до смешного глупо. Ковров в комнатах не было, и мои шаги производили столько шума, что нестерпимо хотелось сбросить туфли. В одном из углов гостиной стояла пара лыж, удивительно напоминавших самого мистера Ланкастера; мне казалось, будто это фамильяры¹ и они следят за мной. Я даже рожи им корчил. Впрочем, если не они, то Борода со своей фотографии следил за мной точно. С какой готовностью он взял бы меня к себе на судно и погонял по палубе в студеный снежный шторм где-нибудь близ мыса Горн! Глянешь на него, припомнишь его бедолагу воспитанника, мистера Ланкастера, и сразу хочется призвать старое чудовище к ответу — и за многое.

Поиски обернулись полным разочарованием. Все, что я нашел интересного, — единственный запертый ящик письменного стола, и пообещал себе как-нибудь изловчиться и поискать секреты в нем. Прочие же шкафы и ящики в доме оставались не запертыми. Еще одной занятной находкой оказалась форма капитана британской армии; ее мистер Ланкастер хранил в шкафу вместе с обычной одеждой. Так он, выходит, из тех мерзких созданий, что делают культ из опыта армейской службы! Следовало догадаться. Ну, значит, будет с чего начинать изыскания.

Тем же вечером, за ужином — единственной съедобной трапезой за весь день, которую готовила нам приходящая кухарка, — я разговорил мистера Ланкастера на тему службы. Это было несложно: едва я упомянул войну, как он принялся будто нараспев перечислять:

— Лоос... Армантьер... Ипр... Сен-Квентин... Компьень... Абвиль... Эперне... Амьен... Бетюн... Сен-Омер... Аррё... — Мистер Ланкастер будто повторял церковные напевы, и мне уже начинало казаться, что конца и края этому не будет. Но тут он, еще сильней понизив голос, произнес: — Ле-Като. —

¹ Духи-помощники колдуна, часто принимают форму животных (кошки, жабы и т.п.).

Прозвучало как нечто особенно сакральное. Помолчав, он объяснил: — Именно там я написал то, что с сожалением называю одной из немногих и великих военных поэм. — Тон его голоса вновь сделался напевным: — Лишь пушек разъяренно-грозный рев¹.

— Ну конечно же, — невольно воскликнул я. — И автор...

Я осекся, осознав всю красоту своего открытия: у мистера Ланкастера безудержная мания величия!

— Я мог бы стать писателем, — сказал он. — Я обладал той силой, что есть лишь у величайших авторов, — умением взирать на весь человеческий опыт с абсолютной объективностью.

Он произнес это с такой убежденностью, что мне даже стало страшно. Вспомнились рассказы мертвых о себе у Данте.

— Подобная сила была и у Толстого, — размышлял вслух мистер Ланкастер, — но Толстой был развратник. Я знаю, потому что жил в шести странах. Глядя на крестьянскую девушку, Толстой видел лишь груди под ее платьем. — Он замолчал, давая мне время оправиться от потрясения, нанесенного его сильными словами. Теперь он играл роль великого романиста, что запросто и жестко рассуждает о жизни, на которую смотрит без вожделения и страха. — Поезжай как-нибудь туда сам, Кристофер, и убедись. Взгляни на степи, что простираются на тысячи миль за горизонт, и на беспросветное свинство. На жуткую гангрену лени и вопиющее отсутствие твердого хребта. Тогда-то ты поймешь, как у руля в России встала шайка евреев-атеистов. Мы у себя в Англии не породили еще никого более великого, чем Китс. Он был чист душой, но не видел ясно. Был слишком болен. Нужно иметь здоровый ум в здоровом теле. О, я знаю, что вы, молодые последователи Фрейда, посмеиваетесь над таким, но история еще докажет вашу неправоту. Вашему поколению предстоит платить, платить и платить. Солнце уже коснулось горизонта. Время ваше почти на исходе, и близится ночь варваров. И обо всем я мог бы написать, я мог бы всех предупредить. Однако я, скорее, человек действия...

¹ У. Оуэн. «Гимн обреченной юности» (пер. С. Сухарева).

Вот что я тебе скажу, исключительный мой Кристофилос, у меня для тебя есть подарок. Идея для сборника рассказов, благодаря которому ты приобретешь репутацию писателя. Такого еще никто не творил. Никто на это еще не решался. У всех на уме так называемый экспрессионизм. Индивидуальными себя возомнили. Фу! У них нет выносливости. И все, что смог породить их скуповатый ум, — сухо, как овечий навоз.

Видишь ли, эти глупцы вообразили, будто реализм — это когда пишешь об эмоциях. Считают себя дерзкими, потому что именуют нечто модными словечками-фрейдизмами. Но это лишь пуританизм наизнанку. Пуритане запрещали употребление имен, зато фрейдисты без имен не могут. Вот и все, вся разница. И выбирать-то не из чего. В глубине своих мелких и грязных сердец фрейдисты боятся имен не менее, чем пуритане, ибо до сих пор одержимы ничтожной средневековой еврейской некромантией: рабби Лёв¹ и иже с ним... Однако истинный реализм, к которому никто не осмелится прибегнуть, в именах не нуждается. Истинный реализм идет дальше.

Поэтому вот как я поступлю...

Тут мистер Ланкастер сделал выразительную паузу. Встал, пересек комнату, вынул из ящика комода трубку, набил ее, закурил и, закрыв ящик, вернулся за стол. На все у него ушло пять минут, и все это время его лицо оставалось каменным. Однако же я видел, что ему просто доставляет наслаждение держать меня в напряженном ожидании, и я, против своей воли, прогнулся.

— Так вот, я бы поступил следующим образом, — наконец продолжил мистер Ланкастер, — написал бы серию рассказов, которые бы не описывали эмоцию, а создавали ее. Подумай, Кристофер: история, в которой ни разу не звучит слово «страх», он не описывается, но вызывается у читателя. Представляешь, какой силы будет этот страх?

¹ Иехуда Лива бен Бецалель (1512–1609), он же Махараль из Праги, раввин, один из виднейших мыслителей и ученых своего времени. По легенде, создал Голема для защиты еврейского народа от гонителей.

Я бы написал рассказ о голоде и жажде. А еще рассказ, вызывающий гнев. И еще один, самый ужасный из всех, наверное, даже слишком ужасный, и писать его не стоит...

(Неужели рассказ, навевающий сон? Я не сказал этого, но подумал — и очень громко.)

— Рассказ, — желая добиться максимального эффекта, мистер Ланкастер заговорил очень медленно, — пробуждающий инстинкт... репродукции.

Я исследовал мистера Ланкастера не только во имя одного лишь искусства. К этому времени я осознал, что на мою личность он способен произвести поистине грозное воздействие. Опасно было прекращать мыслить о нем как о нелепом создании и начинать воспринимать его как человека, ведь тогда мне придется возненавидеть его за то, что он меня тиранит. Если позволить себе ненавидеть его, а ему — тиранить меня, то придется удариться в дефектную, дегенеративную желчность, бессильную злость раба. Если и правда существует такая вещь, как реинкарнация — почему нет? — то во времена Древнего Рима я, должно быть, прислуживал мистеру Ланкастеру рабом-писарем. Мы жили, наверное, на вилле-развалюхе в самом конце Аппиевой дороги. Я воображал себя поэтом и философом, а сам тратил жизнь, записывая за хозяином пустопорожную болтовню, и терпел его сокрушительно тривиальные размышления о загадках природы. Хозяин, конечно же, был беден и скуп, и мне приходилось работать за двоих: ко всему прочему таскать дрова и воду, а то еще и кухарить. При этом, общаясь с рабами с других вилл, я делал вид, будто не опускаюсь до ручного труда. Ночами я лежал, не смыкая глаз и замышляя убийство господина, на которое никак не решался из страха перед тем, что меня обязательно поймут и распнут.

Нет, мистера Ланкастера следовало рассматривать научно или не рассматривать вовсе. Изучать как наглядное пособие. Я даже составил конспект того нашего разговора за столом.

— Самое худшее в нынешней моей работе то, что она не задействует и сотой доли моего мозга. У меня мысленный

запор. Вот на войне батарейный старшина давал мне решать задачи артиллерии, и я справлялся за один день. Без всякой математики предлагал по три решения для каждой... Пойми одно, Кристофер, этому миру необходимо научиться верить в положительную силу зла. Радость жизни — всей жизни — в том, чтобы сражаться с этим злом. Если упустим это из виду, утратим смысл бытия. Впадем в смертельное отчаяние Гликона¹:

*Panta gelōs, kī panta konis, kī panta to māden,
panta gar ex alogōn esti ta ginomena...*

*(Все есть лишь смех, пыль и ничто,
Все из безумия родилось...)*

Вот тут-то язычников и поджидал конец, они достигли края безбрежного моря. Большого им было не видать. У нас нет причин следовать их примеру, ибо на их отрицание мы ответим великолепным утверждением Гарета², его словами, что он произнес матери, когда она просила его остаться дома, прельщая радостями бесцельной жизни:

*Мужчина я и жду мужского дела.
За ланью следовать? Нет! За Христом,
За Королем идти и честно жить,
Стоять за правду и разить неправду —
Не для того ль рожден я?³*

Не забывай об этом, Кристофер. Повторяй это каждое утро, сразу как проснешься. Не для того ль рожден я? Не спрашивай, можем ли мы победить! Просто борись, сражайся!

¹ Греческий поэт, автор стихотворного размера гликоinea.

² Гарет Белоручка или Рыцарь Кухни, персонаж легенд о рыцарях Круглого стола, племянник короля Артура.

³ А. Теннисон. «Гарет и Линетта» (из цикла «Королевские идиллии. Круглый стол») (пер. В. Лунина).

*Не ропщи, что не жил всласть!..
Форт безумья должен пасть.
И падет, а твой резон —
Пасть на миг скорей, чем он¹.*

Никто из этих твоих умников-модернистов не наделен голосом Арнолда. Вот у Мередита² он был, у Уильяма Уотсона³ он был, но Уотсон был последним. Потом сцену заполнили умствующие модернисты, и мы утратили посыл.

Я мог бы вернуть его. Я мог бы воскресить его. Однако как-то утром в начале лета услышал иной зов. У самой кромки Мер-де-Глас, под Монбланом. Я созерцал это широкое и ослепительное море льда, и тут голос спросил меня: «Кем хочешь стать? Решай». И я ответил: «Помоги мне выжить». Голос предложил: «Хочешь любви?» И я ответил: «Только не ценой службы». Голос предложил: «Хочешь богатства?» И я ответил: «Только не ценой любви». Голос предложил: «Хочешь славы?» И я ответил: «Только не ценой истины». Наступила долгая тишина, и я ждал, прекрасно зная, что голос обратится ко мне снова. И вот наконец он заговорил: «Хорошо, сын мой. Теперь я знаю, что тебе дать»...

Перед тобой открыты все дороги, Кристофер. Ты пока не знал любви, но она еще будет. Она приходит ко всем. Правда, всего раз, на этот счет не заблуждайся. Любовь приходит и уходит, и мужчина должен быть к ней готов. Узнать ее, когда она явится. Есть недостойные ее — те, кто позволяет себе опуститься и стать неподходящим для нее. А кто-то не торопится ее получать — из гордости или из страха собственного благополучия? Не нам судить. Но ты будь готов к ней, Кристофер. Будь готов...

¹ М. Арнолд. «Последнее слово» (пер. А. Сендыка).

² Джордж Мередит (1828–1909) — английский писатель. Для его творчества свойственен отход от островной английской замкнутости, европеизация, за которую и выступал Арнолд.

³ Уильям Уотсон (1858–1935) — английский поэт, легкие и противоречивые, в политическом смысле, стихи которого поначалу имели успех, однако позднее, со сменой вкусов, утратили популярность.

* * *

Однажды утром, когда мистер Ланкастер собрался на работу, я заметил, что ящик его письменного стола, обычно запертый, сегодня остался открытым. Мистер Ланкастер забыл ключ, подвешенный к целой связке других ключей, прямо в замочной скважине. Наверняка хозяин скоро заметил бы пропажу и вернулся, поэтому с обыском следовало поторопиться.

Первым, что попало мне на глаза, был армейский револьвер. Должно быть, очередной сувенир, прихваченный с войны. Я же счел его абсолютно неинтересным: в столе должны были быть другие, куда более достойные секреты. Я пролистал стопку старых оплаченных счетов и устаревших железнодорожных расписаний. Куски использованной проволоки, закопченные лампы, разбитые фоторамки, ржавые детали какого-то моторчика, изношенные резиновые ленты... Казалось, мистер Ланкастер складывает сюда и прячет подальше от глаз все, что могло выдать его неопрятность.

Однако в верхнем ящике, который уж больно сильно выделялся и потому виделся мне не самым пригодным для хранения секретов местом, отчего был проверен в последнюю очередь, я отыскал толстую записную книжку в глянцевой черной обложке. И пришел в возбуждение, увидев, что она заполнена стихами, написанными рукой самого мистера Ланкастера; похоже, это была длинная эпическая поэма, которую я просмотрел по диагонали. Было много описаний природы: горы, моря, звезды, — приводились юношеские переживания автора и монологи в духе Вордсворта, говорилось о Боге — очень, очень много, — о странствиях, войне — мама дорогая, куда же без войны! — а потом снова о странствиях и... так-так-так, ага, что это у нас? Ну наконец-то, что-то интересное!

*Был там он, —
Давным-давно, о Боже, как же все-таки давно, —
Кто при дыхании сирени, когда она цвела бездыханно,
Доверив дальше сохранять секрет своим бутонам,
Пообещав потом его раскрыть, коль скоро срок придет,
Ведь так определено, — на дня закате*

*И там была она, приход которой он ощутил еще допрежь,
Чем увидел ее. Она не знала,
Что слышит в сумерках он в поступи ее,
Какую пустоту тот сумрак для него принес,
Когда ее не стало вскоре рядом, — то тропы Жизни
Увели ее куда-то. Не знала же она,
Уйдя своим путем, что совершила,
По незнанию; какую в сердце привнесла она
Красу и боль оставила горчить потом.*

Как тогда эти строки повлияли на меня, я не помню потому, что в те мгновения я отнесся к ним исключительно как к находке. Поиски сокровищ удались! Я ликовал. Вооружившись бумагой и карандашом, я переписал стихи, уже воображая, как потом зачитаю их друзьям в Лондоне.

Едва я успел закончить, как мистер Ланкастер вернулся домой. Вошел он так бесшумно, что у меня не оставалось времени, чтобы попытаться скрыть следы своих поисков. Я успел только сунуть записную книжку назад в ящик стола и достать револьвер, что, как мне кажется, свидетельствует о быстром уме. Не так постыдно попасться за изучением револьвера, как за чтением чьей-то автобиографической поэмы.

— Верни на место! — хрипло пролаял мистер Ланкастер.

Прежде он со мной такого тона себе не позволял. Испугавшись поначалу, я разозлился.

— Он не заряжен, — ответил я. — И потом, я же не ребенок.

Впрочем, револьвер на место вернул и тут же вышел из комнаты.

(Сегодня, вспоминая те события, я вижу поведение мистера Ланкастера в другом свете. Мне открывается, как в наших с ним беседах он пытался пробудить во мне интерес к его персоне. Разве не ждал он, например, что я спрошу, чем же его одарил тот голос у ледника под горой Монблан? Или не надеялся хотя бы на то, что я стану умолять рассказать мне про историю его любви? Не оставил ли он ключи в замке стола намеренно — если не подсознательно, — в по-

пытке приманить меня, чтобы я нашел и прочитал его поэму? Если так оно и было, то, не проявляя любопытства, я был к нему жесток. И все мои научные изыскания таковыми не были, ведь я заранее, чего не подобает делать ни одному ученому, был уверен в том, что обнаружу: свидетельства занудства.

Значит, вернувшись и застав меня с револьвером, а не поэмой в руках, мистер Ланкастер, наверное, даже если не мог объяснить себе причину, был сильно разочарован. Отсюда и взрыв гнева.

Про револьвер он, должно быть, вовсе забыл. И я, по всей видимости, стал тем, кто напомнил ему, что все это время в нижнем ящике стола, посреди юношеских фантазий, лежал металлический кусочек его жизни.)

За два дня до моего отплытия назад в Англию мистер Ланкастер взял меня на прогулку под парусом. Он не спрашивал моего мнения, просто изложил план, и я его принял. Мне тогда было откровенно наплевать на происходящее. После случая с револьвером наши отношения охладели, и я считал часы до возвращения домой.

Когда рабочий день закончился и контора закрылась, мы на машине поехали за город, на реку, где мистер Ланкастер держал свою яхту. По пути мы забрали сеньора Мошаду, и я был рад его обществу, поскольку ни минуты не хотел проводить наедине с мистером Ланкастером. Много позднее до меня дошло, что из всех знакомых мистера Ланкастера Мошаду был последним, кто до сих пор не сопровождал его в подобного рода прогулках. Прочим, несомненно, хватило и одного раза.

Втроем мы ютились на переднем сиденье крохотного авто с выносным двигателем, установленным сзади под тентом. Довольно скоро мы сбились с пути. Мистер Ланкастер забыл прихватить карту и теперь сильно нервничал, в то время как машина тарахтела по узкой и неровной песчаной дороге, в наступающих сумерках огибая болото. На пойменных лугах наполовину в воде стояли старые фермерские домики. Вдоль дамбы чопорно прошелся журавль, а после, хлопая крыльями, полетел прочь над пышным болотистым пейза-

жем. Меня разнежило, накатило мечтательное и романтическое настроение. Какая вообще разница, где мы? Зачем нам вообще направление? Но мистер Ланкастер проявлял упорство безумца.

Когда уже начинало темнеть, на болоте показалась плоскодонка с двумя пассажирами. Мистер Ланкастер остановил машину, взбежал на дамбу и поприветствовал их. Оказалось, что это были мальчик и девочка, маленькие светловолосые дети. Просто поразительно, как им удавалось управлять плоскодонкой, — скорее разумные животные, чем безмозглые детишки. Взявшись за руки, они встали и смотрели на мистера Ланкастера огромными и пустыми голубыми глазами, раскрыв рты, будто в ожидании, что он их накормит. Мистер Ланкастер обратился к ним — как он потом сам рассказывал — на высоком и простом немецком. Он словно говорил с идиотами — очень медленно, устроив такую выразительную пантомиму, что даже я понял, о чем он толкует. Но только не дети. Они все смотрели на него и смотрели. Мистер Ланкастер перешел на крик, размахивал руками — они и бровью не повели. Им просто не хватало ума, чтобы его испугаться. Наконец мистер Ланкастер сдался, развернул машину и повез нас в обратную сторону.

К месту назначения мы прибыли поздно ночью. Гостилица была под завязку забита отдыхающими, и свободной оставалась только одна комната. Впрочем, это, наверное, был самый шикарный номер, потому что в нем нас ждали внушительных размеров кровать на подиуме и тахта. Главным украшением служила фотогравюра полуобнаженной девицы в «артистической» позе. Мистер Ланкастер решил, что спать он будет на тахте, сеньор Мошаду займет кровать, а меня отправил в кабину яхты. Перед уходом, опередив его, я связвил:

— Это станет для меня ценным опытом.

Однако мистер Ланкастер не отреагировал на сарказм.

Проснувшись ранним, зато очень светлым утром, я не мог определиться: то ли романтизировать происходящее, то ли захандрить. Следовало признать, что положение мое и впрямь было романтическим: я один, на чужбине, и в моем распоряжении парусная лодка! Наверняка прочие отдыхаю-

щие смотрят на меня и недоумевают. Еще не было и шести часов, а они почти все уже не спали.

Вдоль реки расположилась деревенька, и к берегу спускались пивные сады. На лодках к топам мачт привязали тополиные ветки, ими же школьники украшали рули велосипедов. У кого-то на лодке играл граммофон, кто-то сам исполнял что-то на концертине и пел. Пили пиво, жевали колбаски, и всюду витал аромат сваренного на свежем воздухе кофе. Девушки были в теле и милы; мужчины — короткостриженные, розовощекие, как поросята, блондины — продолжали петь, даже бреясь и причесываясь, и умолкали лишь тогда, когда чистили у воды зубы.

Все это наполняло меня радостью, однако была и другая сторона медали: затекшее после ночи на узкой койке тело и головная боль. И мистер Ланкастер: он поднялся на борт и рассердился, увидев, что я до сих пор не прибрался и толком не оделся, и вообще загорал, растянувшись на палубе. К тому времени, как мы позавтракали в гостинице и меня настиг запор — как всегда, если приходится пользоваться незнакомой уборной, и тем более, если еще подгоняют, — мной овладела хандра.

Мы подвесили к корме мотор, но он никак не хотел заводиться. Пришлось послать в ангар за механиком, и пока он работал, собралась приличная толпа зевак. Мистер Ланкастер помогал тем, что суетился и делал замечания. За это же время он умудрился прочесть мне лекцию на основе собственного опыта:

— Это напоминает мне случай на войне. Мы тогда прямо перед рассветом покидали одну деревеньку под Лоосом, потому что знали: едва рассветет, как немчура примется обстреливать нас из пушек. Мне было любопытно, как я буду действовать в таком напряжении, потому что наш полковник, видимо, перепугался. И я замерил пульс. Он был абсолютно ровным. Мозг работал так четко, что я, отдавая приказы старшине, представил себе шахматную задачу, о которой недавно читал в «Таймс»: черные должны поставить мат в три хода, — и увидел решение, Кристофер. Мне даже думать не пришлось. Я мысленно представил доску — как будто смотрел на карту города и говорил себе: видно же, вот крат-

чайший путь к рыночной площади. Вопросов не осталось. Я убежден, что мог бы в тот момент провести сеанс одновременной игры на полдюжины партий и победить во всех. Как там Софокл говорил о величии человека, чей разум поднимается на пик перед лицом судьбы?.. — И он вновь разразился длиннющей, зубодробительной цитатой на греческом. Ужаснейшим из языков называл его Хью Уэстон и был абсолютно прав!

Наконец мы отчалили и направились к морю. Мистер Ланкастер резко упрекнул меня за то, что я обронил какие-то рыбацкие снасти. Я ответил ему злобным взглядом, а он, желая поставить меня на место и унижить, полностью переключился на Мошаду и говорил с ним только на испанском. Для меня это стало подлинным избавлением, а вот Мошаду не на шутку встревожил, поскольку изысканные манеры требовали беседовать и со мной тоже — теперь, когда он не мог игнорировать мое присутствие. (Уверен, он и не помнил, что мы сидели рядом на банкете.) Вот он и обращался ко мне время от времени на французском, однако из-за жуткого акцента я понимал его с трудом. Впрочем, это было не самое страшное. Гораздо больших усилий мне стоило придумывать ответы и поддерживать беседу.

К примеру, Мошаду сказал: «*Je suppose que le sujet le plus intéressant pour un écrivain, c'est la prostitution*»¹, на что я ответил: «*Monsieur, vous avez parfaitement raison*»², и на этом мы застряли.

Мы вышли в просторный эстуарий. Мистер Ланкастер посадил меня у руля, а сам пошел готовить удочки.

— Сосредоточься, будь начеку, — сказал он. — В реке полно песчаных отмелей. Осторожно. Осторожнее! ОСТОРОЖНЕЕ! Взгляни, какого цвета вода там, впереди! Вот тут самый малый! Ровней держи! Ровней. Ровней. Ровней. Теперь жми! ЖМИ! Живее, салага! На левый борт! ЛЕВО руля! Потопить нас хочешь? — (На выходе из реки поднялась небольшая волна. Совсем слабая, ее почти не чувство-

¹ Полагаю, что самый интересный сюжет для писателя — это проституция (фр.).

² Вы чертовски правы, мсье (фр.).

валось.) — Вперед, точно вперед! Держи курс на два градуса на юго-запад. Держи курс. КУРС ДЕРЖИ. Осторожней, са-лага! Отлично. Молодец! Вот молодец! Хорошо правите, сэр! Я даже боюсь, Кристофер, что мы из тебя матроса сделаем!

Ничего достойного похвалы я не совершил, разве что не дал нам врезаться в буюк размером со стог сена. Энтузиазм мистера Ланкастера в безумии не уступал его тревоге. И все же — как и в случае с обливанием холодной водой — я, как идиот, почувствовал себя польщенным. Ах, если бы он знал, как легко мной управлять; как чуток я к примитивнейшим комплиментам! А впрочем, нет, даже узнай он это, его отношение ко мне вряд ли бы изменилось. Он не стал бы хвалить меня, сочтя лесть пагубной для моей души.

А за душу Мошаду мистер Ланкастер, видно, не переживал: всю и совершенно бесстыдно умастил его, перейдя ради меня на французский. Он по-английски назвал Мошаду «славным малым», объяснив потом значение эпитета на французском. Мошаду восхищенно захлопал в ладоши, сказав:

— Плавный малый! Я — плавный малый? О да!

— Правда же, милый старичок? — снисходительно заметил мне мистер Ланкастер. — Он на три четверти индеец из Перу, знаешь ли. Его отец, скорее всего, жевал листья коки и не носил обуви. Вот тебе истинный, неиспорченный латинос. Неважно, сколько ему лет, — он всегда ребенок.

К тому времени мы оставили мелководе далеко позади, и плоский дюнный берег превратился в бледную полосу между сверкающим морем и сияющим небом. Кругом на водных просторах белели надутые паруса. Мистер Ланкастер, видимо, очень довольный собой, стоял на носу яхты и напевал:

*Pervixi: neque enim fortuna malignior unquam
erepiet nobis quod prior hora dedit*¹.

¹ «Да, с трудом я выжил, и будь судьба ко мне еще нещадней, даров тех прежних ей не отнять» (лат.). Отрывок из безымянного стихотворения Гая Петрония Арбитра (14–66).